

и перемен, общественных сдвигов, бурных решений. Литература призывалась к горячему участию в общественных делах — и охотно откликалась на эти призывы. В одном многочисленном собрании в Москве, в январе 1858 года, где предметом шумных обсуждений были пути решения только что возбужденного тогда «крестьянского вопроса», к Фету подошел редактор модного тогда журнала «Русский вестник» М. Н. Катков и восторженно призвал:

— Вот бы вам вашим поэтическим пером иллюстрировать это событие!

«Я,— вспоминал впоследствии Фет,— не отвечал ни слова, не чувствуя в себе никаких сил *иллюстрировать* какие бы то ни было события. Я никогда не мог понять, чтоб искусство интересовалось чем-либо, помимо красоты».

Подобное «бессилие» перед требованиями эпохи показательно. В те же предреформенные годы множество поэтов прославились своими обличительными мотивами и «общественными» стихами... Графиня Ростопчина и Добролюбов, Бенедиктов и Никитин, Панаев и Михаил Розенгейм... Фет «не мог понять», чего от него хотели,— и навсегда остался живым действительным лицом русской поэзии.

Это видимое противоречие попробовал разъяснить — еще при жизни Фета — философ и критик Владимир Соловьев, написавший в 1890 году статью «О лирической поэзии. По поводу стихотворений Фета и Полонского». Здесь он поставил проблему, имеющую серьезный теоретический интерес.

Писать стихи, если исходить из техники версификации,— очень несложное занятие. Ограниченное число стихотворных размеров, широкие возможности рифмовки, устойчивый «поэтический язык»... Почти каждый человек в молодости пробует сочинять в стихах — и у многих неплохо получается! Более того: каждая литературная эпоха предлагает «на выбор» значительное количество вроде бы «состоявшихся» поэтов, издающих сборники, признанных и даже «увенчанных»... А потом оказывается, что только немногие из «увенчанных» сумели достичь высот мастерства, перешагнуть никому не нужный «хороший средний уровень». И только единицы из этих «немногих» — не более 5—10 имен в столетие — остаются не просто в истории литературы, а и в памяти будущих поколений. А почему, собственно? Ведь такое простое занятие...

«Лирическая поэзия, после музыки, представляет самое прямое откровение человеческой души». Это исходный тезис рассуждений Вл. Соловьева. Из него отнюдь не следует, что лирика есть «поэзия субъективности»: «У всякого ведь есть своя субъективность... любой субъект, мало-мальски способный к версификации, может без стыда и жалости изливать свою душевную пустоту в обильном потоке стихотворений, возбуждая в себе самом дух праздности и тщеславия, а на ближних своих наводя дух уныния... В поэтическом откровении нуждаются не болезненные наросты и не пыль и грязь житейская, а лишь внутренняя красота души человеческой, состоящая в ее созвучии с объективным смыслом вселенной, в ее способности индивидуально воспринимать и воплощать этот всеобщий существенный смысл мира и жизни».

Это — первая особенность лирической поэзии: способность к отражению «существенной красоты мировых явлений» и составляет, собственно, тайну поэтического дарования.

Вторая особенность связана с диалектикой формы и содержания: «В истинно лирическом стихотворении нет вовсе содержания, отдельного от формы, чего нельзя сказать о других родах поэзии. Стихотворение, которого содержание может быть толково и связно рассказано своими словами в прозе, или не принадлежит к чистой лирике, или никуда не годится». Это — существенная сторона восприятия лирического текста, которую часто забывают в школьных анализах...

«Наконец, третья существенная особенность лирической поэзии состоит в том, что она относится к основной постоянной стороне явлений, чуждаясь всего, что связано с процессом, с историей». «Постоянная сторона явлений» мира — что в данном случае то же самое, что в старых школьных учебниках, ориентированных на «тематическое» изучение лирики, именовалось «темой природы», «любви и дружбы», «поэта и поэзии»... И отношение к этой «постоянной стороне явлений» было — в тех же школьных учебниках — не очень ласковым: «любовь» — это, конечно, хорошо, но как же «общественная борьба», «освободительное движение», «страдания народа»?..

А Фет как будто специально дразнил эти школьные учебники:

*Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.*

*Только в мире и есть, что лучистый
Детски-задумчивый взор.*

*Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.*

*Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.*

Неужели так-таки больше ничего и нет?..

Да есть, конечно. Афанасий Фет, человек очень трудной жизненной судьбы, лучше многих понимал и бытовые, и экономические, и общественные проблемы современности. В молодости он был военным, служившим в далекой русской провинции, в средние годы — образцовым «сельским хозяином», умевшим работать на земле и знавшим мужицкие тяготы изнутри. В течение четверти века, начиная со времен крестьянской реформы 1861 года, он писал и публиковал в журналах публицистические и экономические статьи («Заметки о вольнонаемном труде», цикл «Из деревни», «Наши корни» и т. д.), которые по богатству представленного материала, по яркости и многоцветию бытовых зарисовок, по глубине осмысления и степени обобщения исторических явлений и хозяйственных проблем составили неповторимую и не утратившую своего значения доселе летопись пореформенной земледельческой России...

И, однако, в поэтическом творчестве своем Фет предпочитал, чтобы действительно «ничего не было», мешающего простой жизни, любви и чистоте поэтических откровений. В предисловии к третьему выпуску «Вечерних огней» (1888) он специально оговаривал, например, что не является противником «гражданской скорби»: вместе